

Выстраданный этап

Окончательно меня выписали уже с приходом весны. В этот день мы с Леной возвращались домой не торопясь. Внутри жила острая надежда — на перемены, на что-то новое, на то, что когда-нибудь боль окончательно отступит. Мы шли вдоль канала, остановились на мосту и долго всматривались в тёмную, текучую воду, будто ища в ней ответы и предзнаменования.

— Лена, если я когда-нибудь снова попаду туда, то лучше нырну в эту реку, чем проживу всё это снова, — вырвалось у меня с надрывом.

Лена мягко хлопнула меня по плечу, её взгляд был твёрд и ясен.

— Да мы же свободны, Ира! Ты только представь, что мы смогли пройти... Не каждому это дано! Может быть, это вовсе не наказание, а дар? Мы уже при жизни знаем, что такое умирать.

Потом она перешла на шёпот, её голос стал почти мистическим:

— Знаешь, эта нечеловеческая душевная боль позволила нам почувствовать иной вид Любви. Те, кто считают себя нормальными, не способны ни понять, ни пережить это. Такая любовь даётся только ценой страшных испытаний.

— Но ведь это скорее наказание, чем дар, — со вздохом прошептала я.

— В этом и есть ценность, — мягко ответила Лена. — Жертва ради жизни, о которой никто не узнает. Эта особая любовь даёт гораздо больше. Освобождайся от стыда, от того, что думают другие. Это только наше. Пойми!

Мне не хотелось ничего понимать — хотелось всё забыть, вычеркнуть из памяти, а не нести, как знамя неведомых побед. Но я слишком хорошо знала: забыть это невозможно.

Мы обнялись, так и пошли дальше, держась друг за друга. Прохожие удивлённо оглядывались, а мы хохотали, как две школьницы, как будто теперь нам всё можно: мы выпускники из сумасшедшего дома!

В тот день мы долго бродили по весеннему Петербургу. Заглянули в эзотерический магазин, купили книги Ошо, слушали орган в старинном католическом храме, а закончили вечер в уютном, тихом кафе. Ели тыквенный суп с хрустящими сухариками, делили нежный тирамису с ароматным капучино. Как же просты были наши радости: просто сидеть рядом, разговаривать и молчать вместе. Жизнь изменилась — после бури наступило затишье, и я по-настоящему чувствовала Любовь. Казалось, её так много, что хватит на весь мир.

Я смотрела на Елену с восхищением. Мне нравилось в ней всё: мелодичный смех, детская непринуждённость, глубокие размышления о добре и зле. Она утверждала, что наша генетика и есть наша карма. Я зачарованно слушала её и ловила себя на мысли, что, быть может, совсем ничего не понимаю в жизни, ведь никогда не разбиралась в таких философских глубинах.

Не хотелось расставаться. Приближался тот момент, когда долгожданная свобода не радует, а пугает своей неизвестностью.

Я снова ощущала то давнее, хорошо знакомое беспокойство: как жить дальше? С чего начать этот новый, выстраданный этап?